

Политические трансформации в России и современная политическая наука

ГРИГОРИЙ
ТУЛЬЧИНСКИЙ

1. РОССИЯ КАК ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ ВЫЗОВ

Тема «современное политическое знание и Россия» весьма неоднозначна и даже провокационна. В этой провокативной неоднозначности стоит отметить два момента.

Прежде всего, события в российской политической жизни последних лет свидетельствуют о существенных трансформациях, которые для современной политической науки важны хотя бы тем, что звучавшие еще недавно респектабельные концепции вроде «демократический трансфер», «гибридные режимы», «постколониализм» не справляются с квалификацией и объяснением этих событий, а значит, сталкиваются и с проблемой прогностики.

Более того, сама динамика трансформации противоречит некоторым ключевым положениям этих концепций. Так, вопреки добротной и респектабельной теории человеческого развития Рональда Инглхарта (выработанной на основе почти сорокалетнего тщательного отслеживания динамики общественных ценностей в более чем 80 странах в рамках международной исследовательской программы «World Value Survey») российское общество с начала нынешнего столетия все более явно движет-

Григорий Львович Тульчинский (р. 1947) – политолог, профессор департамента прикладной политологии НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург), профессор факультета свободных искусств и наук СПбГУ, заслуженный деятель науки РФ.

**КУЛЬТУРА
ПОЛИТИКИ**

ся в направлении доминирования ценностей выживания и традиционализма, а не свободной самореализации¹. При этом наблюдается возврат некоторых институтов советского времени (доминирование государства в экономике, роль спецслужб, государственный контроль над медийной сферой), что позволяет говорить об «институциональной колее», возрождении «советской политической системы» и так далее. И если в 1970–1990-х динамика ценностного развития в СССР соответствовала цивилизационному мейнстриму, то сейчас движется вспять.

Думается, что подобная ситуация является серьезным вызовом «нормальной» (в куновском смысле²) политической науке, сформировавшейся на основе экономического маргинализма и связанной с ним экономической социологии. И этот вызов серьезен. А его игнорирование порождает довольно парадоксальную, если не трагикомическую, ситуацию. С одной стороны, с точки зрения политической науки, Россия представляет собой «заповедник патологий». С другой стороны, именно проблемы с адекватным ответом на концептуальный вызов порождают спекуляции относительно «особого российского пути», российской «цивилизационной альтернативы», что в свою очередь позволяет констатировать отсутствие в России полноценной политической науки – ее подменяют общие суждения и обзоры. Российским политологам следует учиться прежде всего у американских коллег, практикующих позитивные, эмпирические и сравнительные исследования³.

Означает ли это, что освоение респектабельных методов и концепций излечит российское общество от политических «патологий»? Владимир Гельман делает вывод, что «политическая наука в России имеет шанс стать “нормальной наукой”, но лишь в условиях, если российская политика не утратит основные атрибуты политики в “нормальной стране”». Иначе говоря, получается, что российская политическая наука станет нормальной только тогда, когда сама политическая реальность в России станет соответствовать канонам «нормальной» политической теории. Вывод, в чем-то трогательный, но он вполне соответствует исходной авторской установке.

В данной работе предпринимается попытка решить триединую задачу. Во-первых, выявить источники концептуальных проблем современной «нормальной» политической теории. Во-вторых, продемонстрировать имеющийся потенциал опи-

- 1 Инглхарт Р., Вельцель К. *Модернизация, культурные изменения и демократия*. М.: Новое издательство, 2011.
- 2 Согласно концепции Томаса Куна (Кун Т. *Структура научных революций*. М.: АСТ, 2003), наука достигает «нормальной» стадии, когда доминирование конкретной парадигмы сводит научное исследование к выстраиванию все более детальных описаний в рамках данной парадигмы.
- 3 Гельман В.Я. *Наука без исследований: есть ли выход из тупика? // Троицкий вариант – наука*. 2014. № 6(150). С. 7.

сания и оценки российской политической трансформации и объяснения ее специфики. Хочется надеяться, что это позволит, в-третьих, наметить некоторые перспективы выхода политической теории из кризисной ситуации.

ГРИГОРИЙ ТУЛЬЧИНСКИЙ
ПОЛИТИЧЕСКИЕ
ТРАНСФОРМАЦИИ
В РОССИИ...

2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА ИЛИ ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ?

До сих пор полного единства в ответе на этот вопрос нет. Согласно одной точке зрения (близкой автору), мы имеем дело с политическими науками, которые объединяет весьма специфический предмет – власть (ее происхождение, достижение, удержание, функционирование, смена); рассмотрение и результат соответствующих проблем зависит от используемой методологии конкретной научной дисциплины: социологии, психологии, экономики, истории, лингвистики, права, etc., etc... И в этих случаях речь идет о политической социологии, политической психологии, политическом дискурс-анализе. В этом плане политическая наука предстает как чрезвычайно разветвленный междисциплинарный комплекс. Трудно представить, какая наука не может быть применена к анализу и осмыслению такого феномена, как власть. Более того, именно такая открытая междисциплинарность открывает широчайшие возможности развития политического знания, осмысления динамики политической реальности, к чему мы еще вернемся ниже. Помимо прочего, такой подход соответствует истории развития политического знания, которое вызревало в рамках как философии, так и конкретных наук. А всякое дисциплинарное ограничение и борьба за чистоту рядов («это не политология», «здесь нет эмпирического исследования», «не хватает количественных методов», «это простое описание»...) ведут к абсолютизации того или иного метода и резкому сужению возможностей осмысления и анализа.

Согласно другой точке зрения, политическая наука – молодая научная дисциплина, становление и формирование которой восходит к либеральной экономической теории (маржинализму). Наиболее полное дисциплинарное развитие она получила в американской *political science*, институционализированной в ведущих американских университетах и представленной в соответствующей периодике («American Political Science Review», «Foreign Policy», «Perspectives on Politics», «PS: Political Science & Politics» и других изданиях), публикация в которой рассматривается сторонниками этой точки зрения как высшая степень научного признания.

По методологии и концептуальным возможностям политическая теория в этом случае трактуется как производная от

экономики и социологии. Это сближает подобное понимание политической теории с марксизмом. Теоретическая и методологическая «рамка» либеральной и марксистской политической науки при всех их различиях по сути дела едина: это теоретический аппарат, выработанный в рамках экономического и социологического анализа. Эта дисциплинарная «рамка» достигла стадии зрелости – «нормальной науки», и новые исследования сводятся к встраиванию в доминирующие «теоретические рамки» (парадигму) все более мелких компонентов. Достижения этой школы весомы и существенны. Благодаря этой парадигме, ее рациональным теоретическим рамкам был развернут широкий фронт эмпирических исследований, выстроен корпус академических дисциплин, обеспечивший подготовку специалистов и формирование научного теоретического и экспертного сообщества.

3. СИМПТОМЫ ПАРАДИГМАЛЬНОГО КРИЗИСА «НОРМАЛЬНОЙ» ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Динамика развития и смены научных парадигм была довольно полно описана на материале естественных наук и математики⁴. Так, попытки выделения специальных исключений, плохо вписывающихся в нормативный парадигмальный канон, при которых накапливается критическая масса таких *ad hoc* зон, рано или поздно ведет к кризису парадигмы и выходу к новым горизонтам рассмотрения. И похоже, что «нормальная» (а точнее – «нормативная») политология, стремящаяся к методологическому идеалу естествознания и точных наук, входит именно в эту стадию. Подтверждением может служить акцентированное внимание, уделяемое неoinституционализму, сформировавшемуся в рамках экономической истории, согласно которому, развитие цивилизации происходило внутри обществ с ограниченным доступом к ресурсам, а возникновение и развитие социума неограниченного доступа (либеральной демократии) является историческим «вывихом», результатом специфически сложившихся обстоятельств⁵, – типичный вывод *ad hoc*.

Более того, развитие нормативной политологии, прошедшее традиционный путь любого научного знания (от простой фиксации и описания предмета ко все более глубокой рефлексии

4 Кун Т. *Указ. соч.*; Лакатос И. *Избранные произведения по философии и методологии науки*. М.: Академический проект, 2008; Тулмин Ст. *Человеческое понимание*. М.: Наука, 1984; Холтон Дж. *Тематический анализ науки*. М.: Наука, 1981; Фейерабенд П. *Против метода. Очерк анархистской теории познания*. М.: АСТ, 2007.

5 Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. *Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества*. М., 2011.

сии метода, а затем – самого политического дискурса и философских оснований), привело к пониманию роли и значения лингвистического анализа и философии, обнаружив зависимость политической реальности от дискурсивных практик, методов классификации, герменевтики понимания и так далее⁶. Тем самым убедительно и наглядно была продемонстрирована зависимость политической теории от существенно более широкого дисциплинарного контекста.

Еще в 1977 году Йоханом Гальтунгом была прослежена взаимосвязь теории и практики в социальных науках⁷. Гальтунг выделял три аспекта научной деятельности: эмпиризм (сбор данных, их систематизация, осмысление), критицизм (герменевтика и деконструкция результатов осмысления) и конструктивизм (технологии, практики). Именно их взаимодействие и взаимопереход обеспечивают развитие науки, что позволяет не только описывать явления и процессы, но и создавать предпосылки для корректировки и улучшения социальной реальности.

С этой точки зрения в современной политической науке слабость среднего звена приводит к разрыву между эмпирическими данными и конструктивной практикой. Поэтому неспроста политическая теория так отстает от процессов и ситуаций в реальной политической жизни. Особенно явен этот разрыв между теоретическим мейнстримом и реальной политической практикой в странах, переживающих смену уклада – например, трансформации социализма в капитализм. Использование количественных методов, прикладной эконометрики только усугубляет ситуацию. Точность, достигаемая в отдельных исследованиях, дает фрагментарную картину, превращаясь в самоцель в ущерб целостному обобщению.

Появление все новых и новых «рецензируемых» журналов закрепляет складывающуюся ситуацию фрагментарности: публикации в них становятся демонстрацией амбиций и клановости редакций, формируя полужакрытые, самодостаточные и воспроизводящиеся сообщества, принадлежность к которым определяется используемой терминологией и кругом цитируемых источников.

Очевидны и симптомы кризиса. Это не только ярко описанная Йеном Шапиро несостоятельность политологической прогностики⁸. Политическая теория не только накапливает описание отдельных случаев – она с очевидностью целиком зависит от текущих событий, практик, технологий, пытаясь осмыслить

6 ЛАКОФФ Д., ДЖОНСОН М. *Метафоры, которыми мы живем*. М.: УРСС, 2004; ЛАКОФФ Д. *Женщины, огонь и опасные вещи: что категории языка говорят нам о мышлении*. М.: Языки славянской культуры, 2004; БРУБЕЙКЕР Р. *Этничность без групп*. М.: ИД ВШЭ, 2012; БОЛТАНСКИ Л., ТЕВЕНО Л. *Критика и обоснование справедливости*. М.: Новое литературное обозрение, 2013.

7 GALTUNG J. *Essays in Methodology. Vol. I. Methodology and Ideology*. Copenhagen, 1977. P. 41–71.

8 ШАПИРО Й. *Бегство гуманитарных наук от реальности*. М.: ИД ВШЭ, 2011.

их в своих «теоретических рамках». Другими словами – осуществляя ретроспективные рационализации. Как итог – запаздывание и сервильность, превращающие политическую науку в лучшем случае в просветительскую, но скорее в пропагандистскую деятельность.

Отсюда и слабая востребованность традиционной политической аналитики, доходящая до фольклорно-иронического отношения к политологам как медийным персонажам в духе «пикейных жилетов» из известного романа Ильфа и Петрова. В политической же аналитике, востребованной центрами принятия решений (властные структуры, спецслужбы), недоверие к традиционной политической теории компенсируется обращением к нестандартным методам анализа. Например, в США все больше внимания уделяется исследованиям по биополитике, довербальным методам манипулирования общественным сознанием, дающим не просто теоретическое, а конкретное технологическое знание.

Политическая теория не только накапливает описание отдельных случаев – она с очевидностью целиком зависит от текущих событий, практик, технологий, пытаюсь осмыслить их в своих «теоретических рамках».

Более того, серьезные кризисные симптомы отмечаются в самой маргиналистской экономической теории, доминировавшей после Первой мировой войны (на волне ее доминирования и сформировалась «нормальная» политическая наука). Экономическая теория демонстрирует все больший отход от самодостаточности. Работы Рональда Коуза⁹, Дугласа Норта и других неинституционалистов выявили системную зависимость экономики от социально-культурных и правовых факторов. Сами экономисты проявляют все больший интерес к исследованиям Рональда Инглхарта, Гирта Хофстеде, Ричарда Льюиса, Фрэнсиса Фукуямы, Лоуренса Харрисона, Самюэля Хантингтона и других авторов проекта «Культура имеет значение»¹⁰, в которых четко прослеживается зависимость экономического развития от культурных и политических факторов. Намечился даже возврат к осмыслению идей исторической школы экономичес-

⁹ Коуз Р. *Фирма, рынок и право*. М.: Новое издательство, 2007.

¹⁰ HOFSTEDЕ G. *Culture's Consequences*. London: SAGE Publications, 2001; Льюис Р.Д. *Деловые культуры в международном бизнесе*. М.: Дело, 2001; Фукуяма Ф. *Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию*. М.: АСТ, 2004; *Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу* / Под ред. Л. ХАРРИСОНА, С. ХАНТИНГТОНА. М.: Московская школа политических исследований, 2002.

ких исследований Густова фон Шмоллера – одного из первых принципиальных критиков маржинализма. Сама экономика начинает рассматриваться как феномен культуры («экономика как культура»)¹¹.

В этой ситуации тем более ограниченными, и даже опасными, становятся последствия доминирования экономического подхода, например, при распространении норм и критериев развития рыночных отношений на образование и науку. В теоретической социологии, после работ Люка Болтански и его коллег¹² о разных социальных мирах («градах») и соответствующих типах справедливости, это очевидно. Не менее очевидно это и в практике социального управления: ярким примером тому являются последние российские реформы в области науки и образования¹³.

В этой связи самое время обратиться к российским политическим трансформациям.

4. ПРИРОДА СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ: НЕОБХОДИМОСТЬ ШИРОКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ГОРИЗОНТА

Главное, что можно констатировать: современная Россия вернулась в цивилизационный тренд буржуазного общества. Советская сталинская индустриализация, хрущевская оттепель, брежневский «застой» оказались этапами формирования в нашей стране урбанистического образа жизни и общества потребления. Перестройка и приватизация только закрепили выход на политическую арену российского «третьего сословия».

Верный признак этого – рост националистических настроений. Нации, национализм – феномен Нового времени, следствие начавшейся индустриализации, интенсивной урбанизации, что вызвало к жизни новое качество легитимности власти и новую идентичность. Эта тенденция продолжилась и даже усилилась в Новейшее время. Сохранение колониальных границ

11 McCloskey D. *Bourgeois Dignity. Why Economics Can't Explain the Modern World*. Chicago: University of Chicago Press, 2010; см. также работы Рустема Нуреева, Антона Олейника, Александра Погребняка и Даниила Раскова в: *Альманах Центра исследований экономической культуры факультета свободных искусств и наук СПбГУ*. М.; СПб.: Издательство Института Гайдара, 2013.

12 Болтански Л., Тевено Л. *Указ. соч.*; Болтански Л., Кьяпелло Э. *Новый дух капитализма*. М.: Новое литературное обозрение, 2011.

13 Показательна обратная ситуация в англоязычных и русскоязычных публикациях в сфере политико-экономических исследований. Данные в «Web of Knowledge» и «Library» за последние годы показывают, что если на Западе наблюдается рост исследований по политической культуре по сравнению с экономической культурой, то в России ситуация носит обратный характер (см.: Олейник А. Н. *Культура власти как элемент экономической культуры // Альманах...* С. 67–68.). Такая динамика является наглядным подтверждением запаздывающего эпитонства отечественной экономической социологии и вторичной от нее политологии.

новых государств, активный сецессиональный процесс свидетельствуют: возникающая буржуазия, принимающая все прелести глобализации, стремится застолбить свой «бутик».

Другим свидетельством становления буржуазности стало протестное движение, возникшее после выборов в Государственную Думу 2011-го. За «тучные» годы у граждан (во всех языках слово «гражданин» восходит к «горожанин»: *Buerger, bourgeois, citizen*) появилась недвижимость, личный транспорт, у некоторых – бизнес. Они не хотят потрясений. Наоборот: они хотят, чтобы все было по правилам. Последовавшие протесты носили не столько политический, сколько гражданский характер: от власти потребовали соблюдения закона, правил, ею же установленных. Таким образом, можно говорить о модификации правозащитного движения на совершенно новой социальной основе.

В резкой реакции властей были задействованы все возможные средства, вплоть до стравливания столиц и регионов, равно как и различных социальных групп. Ситуация была продолжена событиями вокруг Украины. Стало понятно, что власть готова на все, потому что на кону у нее стоит слишком многое... Как и почему в России сложился именно такой тип власти?

Как уже отмечалось, методологическое лицо «нормальной» политической науки определяется преимущественно экономической социологией. Эта методология сформировалась в определенном историческом контексте и нуждается в переосмыслении ее места и границ в более широком историческом контексте.

Свободный рынок в духе *laissez-faire* существовал в Англии всего каких-то 30–40 лет начиная с середины 1830-х годов. В дальнейшем развитие рынков шло благодаря мерам, организуемым и контролируемым из политического центра¹⁴. Превращение конкурентных рынков в монопольные вело к нарастанию империалистической экспансии, приведшей к формированию колониальной системы. Но и распад этой системы, и дальнейшие практики регулирования рынков, как внутренних, так и международных, – результат действия политических факторов. Именно на это обстоятельство и обратили внимание неoinституционалисты, заговорившие об обществах ограниченного и открытого доступа к ресурсам и определившие второй тип как результат уникально сложившейся череды событий¹⁵. При этом конкретный исторический опыт политэкономическая парадигма фиксирует как универсальный горизонт.

Вплоть до XVIII столетия экономика была одной из функций государственной власти. С индустриализацией начался выход

14 Поланьи К. *Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени*. СПб., 2002. С. 157.

15 Норт Д., Уоллис Д., Вайнгайт Б. *Указ. соч.*

экономики из-под контроля универсального *Polizeistaat*¹⁶. Решающую фазу этого выхода, расцвет рыночной экономики, и описали Адам Смит и Карл Маркс. Со временем производство усложнилось, обеспечить контроль владельцы бизнеса были уже не в состоянии и прибегали к услугам наемных управленцев, роль которых, чем дальше, тем больше возрастала, особенно в транснациональных корпорациях. Но если владельцы отвечают собственностью, то менеджеры ответственны только за выполнение своих функций. При этом интересы менеджеров, их ответственность могут не совпадать с интересами владельцев: примеры из новейшей истории американского бизнеса вроде историй с «Enron», «Bank of New York» тому свидетельство.

В 1940 году вышла наделавшая много шума книга Джеймса Бёрнхема¹⁷, который предрекал, что капитализм обречен, но на смену ему идет не социализм, а новый тип централизованного общества, радикально изменяющего буржуазную демократию, а скорее вообще не имеющего никакого отношения к ней. Правящим классом в этом обществе будут те, кто реально контролирует средства производства, – «менеджеры» (руководители компаний, бюрократы-администраторы, военные), которые сосредоточат в своих руках экономические ресурсы и власть. Частный и общественный типы собственности конвертируются в некий новый вид собственности. Место национальных государств займут некие большие конгломераты, сложившиеся вокруг индустриальных и экономических центров Европы, Азии и Америки. Их политические системы будут иерархичными: менеджериальная элита наверху и полурабская масса внизу. По сути это означает некую новую форму институциональной среды ограниченного доступа.

Бёрнхем оказался скорее прав, чем не прав. Глобализация, формирование транснациональных компаний, фактический вассалитет национальных государств по отношению к странам G8, общее движение в сторону олигархии едва ли вызывают сомнения. Все увеличивающаяся концентрация промышленной и финансовой мощи, все уменьшающаяся роль индивидуального капиталиста и акционера, рост влияния «эффективных менеджеров», упадок представительных институтов – все это указывает на одну и ту же тенденцию.

Эти идеи получили развитие в работах Питера Друкера, Питирима Сорокина, Дэниела Белла, Толкотта Парсонса, Ральфа Дарендорфа. Более того, с этой точки зрения гораздо проще объяснить происходившее в странах «реального социализма»,

16 Фуко М. *Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году*. СПб.: Наука, 2011.

17 BURNHAM J. *The Managerial Revolution: What is Happening in the World*. New York: The John Day company, 1941.

что и было сделано Милованом Джиласом, Михаилом Восленским, Симоном Кордонским¹⁸. Обращает на себя внимание и прямое временное совпадение оформления «нового класса» и номенклатуры в СССР с «революцией менеджеров» в западных странах.

Речь идет по сути об отделении собственности от контроля. Менеджер заботится не столько о прибыли, сколько о стабильности. Именно на этом идейном фоне формировалась в свое время идея конвергенции капитализма и социализма. Позднее к этому добавились теория и практика корпоративной социальной ответственности, корпоративного гражданства, сформировавшие основу нового корпоративизма, который Колин Крауч уже в наши дни назвал «приватизированным кейнсианством»¹⁹.

В таком – постиндустриальном – мире деятельность наемных технократов, реализующих управление не своей собственностью²⁰, рано или поздно порождает конфликт интересов, побуждающий «новый класс» разрешить его в свою пользу. Если на Западе разрешение этого конфликта приняло характер многовекторной и многоуровневой дифференциации зон ответственности, полномочий, регулирования лоббистской деятельности, корпоративной социальной ответственности, что придало новые формы экономическим и политическим отношениям, то в СССР это приняло форму прямой конвертации управленческого влияния в собственность и власть²¹.

Реформы 1990-х окончательно вернули Россию в общецивилизационный тренд. Но это возвращение в условиях слабого гражданского общества привело к тому, что с поверхностной точки зрения воспринимается как правовой нигилизм и тотальная коррупция. Номенклатура решила конвертировать ренту управления и использования в настоящую собственность. А в нынешней России – ненужным стал и профессионализм. Главное – принадлежность к клану, в котором «своих не сдают».

Даже простое прослеживание эволюции соотношения деловой активности и власти выявляет два типа политического обустройства социума, когда либо собственность порождает власть, либо власть порождает собственность и постоянно ее перераспределяет. Это различие было выражено еще в знаменитых строках Пушкина: «“Все мое”, – сказало злато; / “Все

18 ДЖИЛАС М. *The New Class*. New York: F.A. Preger, 1957; Восленский М. *Номенклатура*. М.: Политиздат, 1991; Кордонский С.Г. *Россия: поместная федерация*. М.: Европа, 2010; Он же. *Рынки власти: административные рынки СССР и России*. М.: ОГИ, 2006. В этом ряду следует упомянуть и плохо понятого на родине Александра Зиновьева.

19 КРАУЧ К. *Постдемократия*. М.: ИД ВШЭ, 2010.

20 Забавно, что первыми новую структуру элиты заметили именно марксисты: в конце жизни Фридрих Энгельс, комментируя распространение практики акционерных обществ, которая как раз и вела к появлению фигуры управляющего, оценивал это как еще один симптом кризиса традиционного капитализма.

21 Тульчинский Г.Л. *Революция менеджеров по-русски // Публичная политика – 2013*. СПб., 2013.

мое”, – сказал булат. / “Все куплю”, – сказала злато; / “Все возьму”, – сказал булат». И это не значит, что один тип лучше или хуже другого. Каждый из них эффективен и уместен – в зависимости от состояния общества, степени его развития, уровня благосостояния и стабильности. В условиях дефицита ресурсов, в ситуациях кризиса, катастрофы, радикальных преобразований на первый план выходят ценности выживания и возникает запрос на централизованную власть, реализующую жесткий социальный контроль. А с появлением и расширением слоя собственников неизбежно возникает запрос на правовую культуру, обеспечивающую их права, возможность свободной самореализации. Исторический опыт модернизации Испании, ФРГ, Японии, Южной Кореи, Чили наглядно показывает, что по мере успешного хода модернизации в стране формируются и начинают работать демократические институты, заменяя собой жесткий дирижизм. Демократия есть результат, продукт, упаковка развитой рыночной экономики. Но никак не наоборот, когда в социуме отсутствуют реальные структуры, на которые может опираться, из которых может вырастать демократия, тогда она трансформируется в собственную противоположность. Современные попытки имплантации демократических институтов в Афганистане, Ираке, Ливии, Египте да и в России – убедительные тому примеры.

ГРИГОРИЙ ТУЛЬЧИНСКИЙ
ПОЛИТИЧЕСКИЕ
ТРАНСФОРМАЦИИ
В РОССИИ...

Деятельность наемных технократов, реализующих управление не своей собственностью, рано или поздно порождает конфликт интересов, побуждающий «новый класс» разрешить его в свою пользу.

Поэтому движение России вспять цивилизационному мейнстриму объяснимо именно в более широком контексте. Можно отметить два вектора такого расширения. Во-первых, дополнение ценностной аналитики «World Value Survey» нормативно-институциональным. В рамках расширенной таким образом ценностно-институциональной модели становится понятным неизбежный в условиях резкого институционального сдвига откат к ценностям безопасности и выживания²². Во-вторых, 40-летний лаг анализа динамики ценностей, лежащий в основе «World Value Survey» и обобщающей эту динамику концепции человеческого развития, достаточно показателен. Однако это не отменяет необходимости еще более широкого рассмотрения в еще более широких временных рамках. И в этом случае

22 См.: Он же. *Политическая культура на осях ценностно-нормативной модели социогенеза* // Философские науки. 2013. № 1. С. 24–38.

возникают удивительные параллели между странами современной цивилизационной передовой, культурой постмодерна и Римской империей: отлично развитая правовая система, высокий уровень потребления, толерантности, активные поиски нового духовного опыта, ценностный релятивизм, утрата социально-политического иммунитета перед лицом все нарастающей угрозы безопасности. Особенности современной постсекулярности далеко выходят за рамки данного рассмотрения. Однако нельзя не отметить нарастающей активности обсуждения этой темы²³.

Главное – все отмеченные особенности новейшего российского политического развития суть проявления общеисторических тенденций. «Особость» им придают разве что используемые для описания концепции. Но политическую реальность надо осмысливать исходя из нее самой, не укладывая ее в рамки и схемы, которыми она не улавливается.

Рассмотрим такую ситуацию на примере российско-украинского конфликта, возникновение и динамика которого для приверженцев «нормальной» политической науки оказались совершенно неожиданными и непредсказуемыми.

5. РОССИЙСКО-УКРАИНСКИЙ КОНФЛИКТ, ИЛИ ПОЧЕМУ ЛИБЕРАЛЫ ПРОИГРЫВАЮТ НАЦИОНАЛИСТАМ

События вокруг Украины развивались и развиваются, на первый взгляд, по совершенно неожиданному сценарию. Киевский «Майдан», свержение режима Владимира Януковича дополнились кровавыми событиями на юго-востоке Украины от Одессы до Луганска, отпадением Крыма и его практически мгновенным вхождением в состав России. В ходе вооруженных столкновений украинской армии с ополченцами юго-востока сбит пассажирский самолет малазийской авиакомпании, ответственность за гибель почти 300 пассажиров стороны конфликта перекалывают друг на друга. Медийное пространство полнится противоречивыми фактами и еще более противоречивой их интерпретацией.

Неоднозначная роль России, реакция международного сообщества придали событиям дополнительное измерение и

23 SMITH A.P., WHISTLER D. (Eds.). *After the Postsecular and the Postmodern: New Essays in Continental Philosophy of Religion*. Cambridge: Cambridge Scholars Publ., 2010; HABERMAS J. *Between Naturalism and Religion*. Cambridge: Polity, 2008. P. 209–248; TAYLOR CH. *A Secular Age*. Cambridge, MA; London: Belknap Press of Harvard University Press, 2007; УЗЛАНЕР Д. *Введение в постсекулярную философию* // Логос. 2001. № 3. С. 3–32; ХОРУЖИЙ С.С. *Постсекуляризм и антропология* // Человек.гу (НГУЭУ). 2012. № 8. С. 15–34; ТУЛЬЧИНСКИЙ Г.Л. *Субъективность и постсекулярность современности: новая трансценденция или фрагментальность «плоского» мира?* // Международный журнал исследований культуры. 2013. № 3. С. 51–56.

масштаб. В результате не только эксперты, журналисты, но и обыватели разделяют мнение о радикальном изменении мировой политической конфигурации. И при всем при этом смысл происходящего, мотивирующие факторы до сих пор остаются вне ясной характеристики и квалификации.

У некоторых наблюдателей – как внешних, так и в обеих конфликтующих странах – создается впечатление иррациональности происходящего. Но если оставить обывателям и психоаналитикам версии о патологическом тщеславии и коварстве политических лидеров конфликтующих сторон, то, думается, ситуация является серьезным вызовом политической науке, заставляя искать и выработать подходы, позволяющие хотя бы зафиксировать ускользающую от осмысления реальность.

Примером выработки такого подхода могут послужить символические политические практики, опирающиеся на информационно-коммуникативные технологии. Последние годы в этом ряду выделяются так называемые «информационные войны». Этому феномену посвящен обширный корпус литературы: описана история возникновения и развития информационных войн²⁴, систематизированы методы и технологии информационных войн²⁵, их роль в современном информационном обществе²⁶ и в международных отношениях²⁷. Имеются исследования российского опыта информационных войн²⁸. Рассматривается использование современных информационных технологий в информационных войнах²⁹. Разрабатываются математические модели информационных войн³⁰. Существуют развитые электронные сетевые ресурсы, посвященные информационным войнам³¹. Словосочетание «информационные войны» не сходит со страниц публицистики. Информационные войны обсуждают эксперты-политологи, сформировались целые научные сообщества, активно обсуждающие информационные войны в международной и внутренней политике, в бизнесе, корпора-

24 Волконский Н.Л. *История информационных войн: В 2 т.* СПб.: Полигон, 2003.

25 Бухарин С.Н. *Методы и технологии информационных войн.* М.: Академический проект, 2007; Бухарин С.Н., Цыганов В.В. *Методы и технологии информационных войн.* М.: Академический проект, 2007; Панарин И.Н. *Технология информационной войны.* М.: КСП+, 2003.

26 *Информационные войны в современном мире: материалы международной конференции, Москва, 2 октября 2008 года* / Отв. ред. В.Н. Шевченко. М.: Ключ, 2008; Почепцов Г.Г. *Информационные войны и будущее.* Киев: Ваклер, 2002; Власенко И.С., Кирьянов М.В. *Информационная война: искажение реальности.* М.: Канцлер, 2011.

27 Панарин И.Н. *Информационная война и дипломатия.* М.: Городец, 2004.

28 Мухин А.А. *Информационная война в России.* М.: Центр политической информации; ГНОМ и Д., 2000.

29 NORRIS P. *Digital Divide: Civic Engagement, Information Poverty, and the Internet Worldwide.* Cambridge: Cambridge University Press, 2001; OWEN D. *Media: The Complex Interplay of Old and New Forms* // MEDVIC S.K. (Ed.). *New Directions in Campaigns and Elections.* New York: Routledge, 2011. P. 145–162.

30 РАСТОРГУЕВ С.П. *Информационная война. Проблемы и модели. Экзистенциальная математика.* М.: Академический проект, 2006.

31 См., например: www.infowars.com; www.infwar.ru.

тивном менеджменте. На рынке действуют агентства, специализирующиеся на оказании соответствующих услуг по ведению информационных войн, обеспечению информационной безопасности, информационной разведке. В последнее время активно обсуждаются «кибервойны» (в том числе международные), хакерские, спамовые атаки и другие технологии³². Таким атакам подвергаются электронные ресурсы государственных структур, компаний, общественных организаций, средств массовой информации, индивидуальные сайты. «Технические» информационные войны наиболее понятны по своей структуре, мерам противодействия и соответствующим мерам информационной безопасности.

Менее очевидны информационные войны второго рода, которые можно отнести к проявлениям *soft power* или *smart power*³³. Используемые средства при этом могут быть самыми различными, включая весь набор манипулятивно-пропагандистских технологий, которые Джордж Лакофф связывает с когнитивным рефреймингом³⁴, а Георгий Почепцов недавно назвал «смысловыми войнами»³⁵. Именно такие информационные войны и представляют особый интерес в контексте символической политики.

Может сложиться впечатление, что речь идет о хорошо известном концепте, операционализированном до конкретных технологий и методик. Однако это одновременно и так и не так. Сплошь и рядом участники таких конфликтов и их цели далеко не очевидны, и требуются специальные аналитические усилия для понимания содержания конфликта, его желаемых и фактических результатов.

Ранее нами был предложен политический анализ на основе рассмотрения определенного типа информационных войн, понимаемых как «манипуляция второго уровня»³⁶. Речь идет о «войне интерпретаций», реальным адресатом которых является не столько противник, сколько некая Третья инстанция, способная предпринять определенные действия по разрешению конкретного конфликта. Важным фактором успеха дан-

32 CLARKE R.A., KNAKE R. *Cyberwar: The Next Threat to National Security and What to Do About It*. New York: Ecco, 2012; KREKEL B. *Capability of the People's Republic of China to Conduct Cyber Warfare and Computer Network Exploitation*. McLean, VA: Northrop Grumman Corp., 2009.

33 Interview: Dr. Joseph Nye, Jr. [January 2012] (www.diplomaticcourier.com/news/topics/diplomacy/720); NYE J. *On Smart Power* // Harvard Kennedy School Insight Interview. 2008. July 3rd (http://belfercenter.ksg.harvard.edu/publication/18419/joseph_nye_on_smart_power.html); ИДЕМ. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs, 2009.

34 LAKOFF G. *The Political Mind: A Cognitive Scientist's Guide to Your Brain and Its Politics*. New York, 2009; ИДЕМ. *Thinking Points: Communicating our American Values and Vision*. New York, 2006.

35 Почепцов Г.Г. *Смысловые и информационные войны: поиск различий* (<http://psyfactor.org/psyops/infowar16.htm>).

36 TULCHINSKII G. *Information Wars as a Conflict of Interpretations: Activating the «Third Party»* // Russian Journal of Communication. 2013. Vol. 5. № 3. P. 244–251.

ной технологии является некое Большое событие, с помощью которого привлекается внимание Третьего, и он побуждается к необратимым действиям. И в этом плане события вокруг Украины и российская реакция на них представляются чрезвычайно важным и даже поучительным материалом осмысления и анализа.

Российская диспозиция в этом плане достаточно очевидна. Политический класс и большая часть общества заинтересованы в устойчивом развитии. Более того, целью нынешнего правящего в России политического класса является пребывание у власти любой ценой, потому что если он не у власти – то тогда где? Для достижения этой цели, как *minimam minimorum*, необходимо наполнение бюджета. Однако ситуацию осложняют экономическая рецессия, деиндустриализация, деградация науки и образования, проблематичность реализации даже имеющегося инновационного потенциала. Единственным реальным способом наполнения бюджета становится девальвация рубля, начавшаяся с конца 2013 года. В результате этого инициированного ЦБ «отпуска рубль» выигрывают экспортеры (в современной России это прежде всего контролируемый государством нефтегазовый комплекс), бюджет исправно наполняется. Но растут цены, ускоряется инфляция, что не вызывает у общества особого восторга.

Следовательно, главной задачей становится изоляция страны (для сохранения власти и какой-то экономики), желательно с идейным обоснованием: то ли нас обидели, то ли мы обиделись. Процесс такой изоляции начался давно: акцент на религиозной нравственности, законодательство, ограничивающее деятельность НКО, показательные преследования оппозиционеров и критиков, контроль над медийными ресурсами, включая Интернет, «веерные отключения» независимых электронных ресурсов...

Надо занимать информационное пространство, вытесняя социальные проблемы из повестки дня. Не случайно девальвация рубля координировалась с подготовкой и проведением зимних Олимпийских игр в Сочи, которые свою задачу решили даже с неожиданным превышением. 8+5 золотых медалей – полная российская Виктория! Позитивные эмоции бьют через край, руководство при параде, целует победителей в темечко, раздает награды... Все счастливы. И это правильно и хорошо. Но реалии никуда не исчезли, не рассосались... Как и проблема отвлечения внимания. Поэтому если бы киевского «Майдана» не было, то его надо было бы придумать. «Евромайдан» и последующие события очень удачно подверстываются под сочинскую Олимпиаду. Более того, это дало возможность решить еще две задачи. Во-первых, окончательно сформировать образ

врага, который уже на пороге, и наши люди страдают от его злодеяний. И, во-вторых, возложить на него ответственность за происходящее в стране. Потому как надо помочь братьям в Украине, Крыму... И мы не мелочимся...

Все задачи решены. Люди говорят только об Украине и Крыме, других проблем словно больше нет (как и денег для их решения). Разбережены рецепторы имперских фантомных болей, стрелка ответственности переведена на врагов и изменщиков, рейтинг руководства зашкаливает... Контент повестки дня был определен, как казалось первоначально, как минимум до осенних выборов. Со временем стало ясно, что изменилось не только содержание повестки дня, но и общая политическая конфигурация – как внутри страны, так и ее позиционирования в мире.

Зарубежные санкции не пугают – перетерпим, у них демократия, придут другие переговорщики с «перезагрузкой». Более того, санкции выполняют роль необходимой мотивации «вынужденной изоляции», давая возможность говорить о необходимости сплочения вокруг руководства, вводить эмбарго на поставки продовольствия из стран-обидчиков.

Российско-украинский конфликт оказывается выгодным политическим режимом обеих сторон. Украинской – для завершения формирования национального государства. Российской – для решения текущих (и отчасти перспективных) проблем укрепления существующего режима. Происходящее буквально воспроизводит идею Карла Шмитта о готовности к смертельному противостоянию с врагом как сущности политической власти. Вопрос в том, хватит ли лидерам противостоящих сторон политической зрелости для понимания пределов развития конфликта и своевременного его прекращения.

Продемонстрированный подход, как представляется, дает новые возможности анализа не только самих информационных войн, но и политического процесса, их порождающего. При этом выявляется и функция самой информационно-коммуникативной технологии в политическом процессе. Кто задает информационную, новостную повестку дня, кто ее контролирует, тот и держит в руках ключ к проектно-сетевой политической реальности.

6. ЗНАНИЕ «ЧТО» И ЗНАНИЕ «КАК»

И вот тут, похоже, выявляется главный методологический аспект проблемы. Стимулом развития всех научных теорий выступало обнаружение новой реальности, за которым стояли новые технические и технологические возможности.

Хорошо известна зависимость познания методов от используемых инструментов и аппаратуры, выраженная в соотношении неопределенностей Вернера Гейзенберга: представление об элементарной частице – корпускула она или волна – зависит от используемых приборов и связанных с этими приборами теоретических конструкторов. Другими словами, теоретическое знание о реальности – знание «что», то есть знание предмета – зависимо и производно от знания «как» – знания методов и инструментов выделения, фиксации и описания этого предмета. Теория – рефлексия над реальностью, открывающаяся с помощью техники.

В «нормальной» же политологии телега ставится впереди лошади. Даже обнаружив роль и значение дискурсивных практик, собственную зависимость от них, даже говоря о «прагматическом повороте», политическая наука оставляет этот «поворот» в рамках самих дискурсивных практик. А политологи снобистски поджимают губы, говоря о политических технологиях, в результате – все более отдаляясь от изменяющейся и изменяемой политической реальности.

Возможно, я перегибаю палку, ломлюсь в открытую дверь. Очень хочется, чтобы это оказалось именно так. Тем не менее, как гласит старая мудрость, чтобы выпрямить согнутую палку, ее нужно сильно перегнуть в противоположную сторону.

7. ERGO

Проблема «современная политическая наука и российские трансформации» не сводится к «убогости» российской политической реальности, когда попытки осмысления последней средствами «нормальной» политической теории напоминают попытки установки реактивного двигателя на телегу. Разумеется, метод познания (как и всякий инструмент) должен соответствовать предмету. Но это не означает и ограничения анализа российских реалий исключительно «доморощенными» теоретическими инструментами.

Сама доминирующая в современной политической науке парадигма, восходящая к концепциям экономического маржинализма, похоже, близка к исчерпанию своего теоретического потенциала, демонстрируя вторичность и зависимость от политических и управленческих практик и технологий принятия решений. В условиях разрыва эмпирики и теоретической рамки возникает дилемма: либо политическая наука сводится к рационализациям *post factum*, что делает ее теоретически неполноценной, либо она ограничена технологиями и проектами.

На первый план выходят политические технологии: реальные проблемы (в том числе и в самой политической науке) и способы их решения. И тут, перефразируя Дэн Сяопина, не важно, какого цвета кошка – лишь бы она ловила мышей. Именно в этом плане можно рассматривать предлагаемый Йеном Шапиро выход из сложившейся в политической науке ситуации, который он связывает с отказом от жестких теоретических и методологических рамок и приоритетом проблемного подхода, развязывающего руки исследователю в решении реальных проблем.

В реальном политическом анализе вполне в духе фейерабендовского *anything goes* используется практически весь арсенал современной науки от естествознания до гуманитаристики. Поэтому речь идет не только и не столько о «проблемном подходе», сколько о широком применении подхода междисциплинарного. Именно в развитии такого междисциплинарного комплекса видится конструктивное будущее политической теории.